

93★

Бёрнер Вася

15 ДУХОВ

Бёрнер Вася

15 духов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70552393

SelfPub; 2024

Аннотация

Наш Командир наблюдал за полем боя, принимал решения и координировал действия пятерых амбалов (читай, измождённых бойцов). В результате действия оказались чёткими, быстрыми и слаженными, пятеро амбалов работали, как один механизм. По итогу боя, Хайретдинов раскатал пятерыми бойцами пятнадцать опытных Хисаракских душманов, да так славно, что те по нам не произвели ни одного выстрела.

Бёрнер Вася

15 духов

Август 1984 года незаметно и тихо подкрался летним утром к горе Зуб Дракона и застал меня на посту наблюдения. Бинокль в ту смену находился у Бендера, а значит не у меня. Приспособления для пристального внимания к горам я не имел, изо всех сил выполнял боевую задачу просто так – водил из стороны в сторону своим солдатским пятакон. Подобный ратный труд показался мне крайне неблагодарной работой, я скучал и думал всякую фигню внутри своей недавно вымытой головы.

В ходе усердного мыслительного процесса я пришел к выводу, что если бы мне дали задание написать сочинению на тему «Как я провёл лето», то в качестве основных занятий в тексте значилось бы удовлетворение примитивных животных потребностей: пить-есть-спать и ещё немножечко, чтоб не убили. При таком образе жизни мне срочно захотелось придумать чем мы отличаемся от обезьян. Путём включения максимальной умственной мощности я принял решение, что мы отличаемся от них способностью к творчеству. А что такое творчество? Это деятельность, направленная на создание культурных ценностей. После этой мысли мне захотелось создать какую-нибудь выдающуюся ценность.

Чтобы как можно сильнее отличиться от обезьяны, логич-

но было нанести на базальтовую скалу барельеф в виде мудрого высказывания. С детства я знал, что дольше всех живут мысли, сказанные матом, но подобная надпись сократила бы мой интеллектуальный отрыв от приматов, а мне хотелось достичь противоположного эффекта. В конце нехитрой цепочки рассуждений я задумал сотворить на скале панно следующего содержания: изобразить Золотую Звезду Героя Советского Союза и выбить «в граните» надпись: «Здесь сражались за Россию» и далее перечислить фамилии гарнизона Третьей точки.

В качестве инструмента для ваяния эпического наскального барельефа я придумал использовать бронебойные сердечники от ДШК-КПВ и корпус от мины ПОМЗ. В порыве созидания я прошвырнулся по территории поста, осмотрел валявшиеся под ногами предметы. Некоторые сердечники от удара по скалам раскололись пополам, некоторые погнулись, некоторые сильно затупились. В течении какого-то количества минут я отыскал десяток острых, благо вокруг они валялись в бесчисленном множестве. Мне ещё подумалось тогда: нормально душманов снабжают, раз они столько карбида вольфрама накидали к нам на пост. Этот материал настолько дорогой, что фашистские танки, при нападении на СССР, в своём боекомплекте имели всего лишь пять бронебойных подкалиберных снарядов с подобной боевой частью. В «восьмидесятых» Китайская Народная Республика не экономила на душманах, поставляла им боеприпасы советского

образца широким потоком, лишь бы нагадить нашей Стране.

Подобранные материалы я приволок к себе на Третью точку, высыпал возле большой скальной стенки, туда же подтащил ящик и уселся на него. Сердечники решил использовать в качестве зубила, корпус ПОМЗа – в качестве молотка.

За пару минут работы я выбил изображение Золотой Звезды Героя, на этом все десять сердечников затупились. Впереди у меня была ещё почти целая смена, спешить было некуда, я поднялся, пошёл по посту, подобрал десяток следующих, не затупленных «зубил». За время работы я обнаружил, что сердечники от КПВ обладали большей устойчивостью к затупливанию, нежели сердечники от ДШК. Поэтому я искал и собирал КПВ-шные.

В течение нескольких минут я затупил об скалу второй десяток импровизированных «кернов», поднялся, пошел за следующим. Так и ходил всю смену, собирал сердечники, разминал ноги, затем возвращался к «панно», садился на снарядный ящик и продолжал долбить.

К окончанию моего дежурства на скале наметилась надпись из выбитых точек:

☆ Здесь сражались
за Россию

С-НТ Манчинский

РЯД. Орлов

РЯД. Гнилоквас

РЯД. Касьянов

Далее следовало превратить точки в канавки, чтобы получился барельеф, чтобы было на века. Но «на века» не произошло. Едва я приложил свежий сердечник к надписи и принялся постукивать по нему корпусом от ПОМЗ, из скал на Третью точку вывалился Комендант.

– Та-а-а-ак! Что за дятел у нас завёлся? Касьянов, опять ты?

Хайретдинов навис надо мной, я медленно встал с ящика перед старшим по званию.

– Какого хрена ты опять вытворяешь? Думай прежде чем молчать!

Как бы я не хотел сказать, но сказал так, как и не хотел:

– Историческое панно, товарищ Прапорщик.

– Что ты за солдат, Касьянов?! Дети обязаны расти, а тебя без присмотра даже на посту нельзя оставить. Все химики такие долбанутые что ли?

– Никак нет, товарищ Прапорщик. Не все. Я ещё не самый худший вариант.

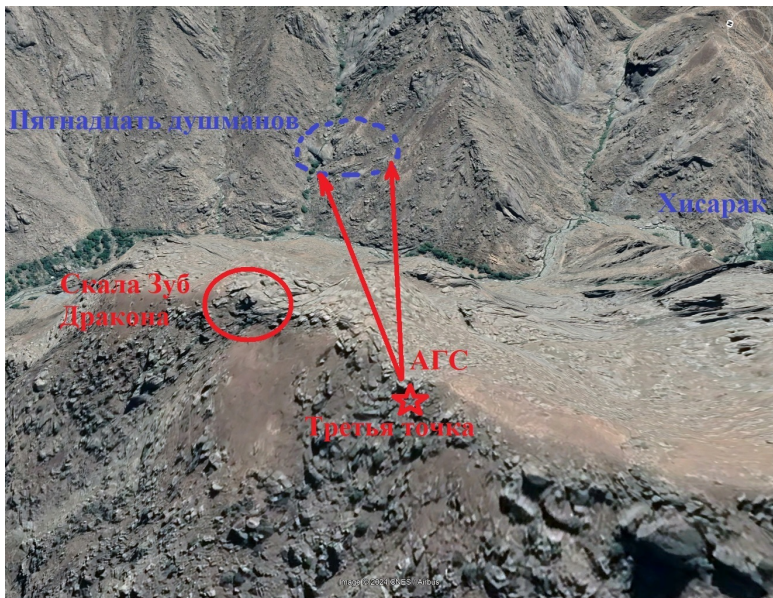
– Значит так, Вариант. Собери всю эту херь, – Хайретдинов показал пальцем на горку затупленных сердечников, – и выкинь за бруствер, нахрен! ПОМЗ положи на место, и чтоб я больше не слышал никакого долбления! Ясно?

– Так точно. – угрюмо проямлил я и потянулся к сердечникам от КПВ.

– Тарищ Прапорщик! Духи! – Из скал на Третью точку выпрыгнул Бендер с искажённым от мужества лицом и биноклем в руках.

– Где? – Хайретдинов забрал у Олега бинокль, приложил его к своему лицу и навёл на тот склон, куда показывал Бендер.

– Вона, вона! – Бендер тыкал рукой по направлению к противоположному склону. – Где ручей, видите? Где вода. Они вдоль ручья на подъём идут. Пятнадцать рыл.

– Вижу. – Хайретдинов оторвал бинокль от глаз. – Касьянов!

– Я. – Я выпустил из рук только что собранные орудия труда.

– АГС к бою! Сам – за первого номера.

– Есть. – Ответил я и метнулся к АГСу. Откинул с бойницы масксеть, уселся

за АГС на колени. Меня теперь не надуришь, теперь я знаю, как надобно держать ноги.

– Манчинский, Гнилоквас! Ко мне, бегом марш! – Хай-

ретдинов вызвал из СПСа отдыхающую смену. Саня и Миха с заспанными рожами воплотились на позиции по зову Командира.

– Гнилоквас, отвечаешь за пустые ленты. Как Касьянов отстреляет ленту, ты тут же её хватай и раскладывай на вот этот ящик. Понял?

– Так точно.

– Манчинский, будешь раскладывать гранаты в пустые звенья ленты. А ты, Гнилоквас, заскочишь на ящик и будешь вдавливать сапогами гранаты по ячейкам. Пальцы Манчинскому не отдави, но поспевай, прямо за его руками. Чтобы гранаты входили в звенья со скоростью, как вот он будет стрелять – Хайретдинов ткнул в меня пальцем. – Понятно?

– Так точно! – В один голос выдохнули Саня с Михой.

– Герасимович! – Хайретдинов повернулся к Бендеру.

– Я!

– Мигом беги в свой окоп, наведешь на духов снайперку и доложишь мне. Как только АГС откроет огонь, будешь валить всех, кто попытается в нас стрелять. Понял?

– Так точно!

– Выполняй.

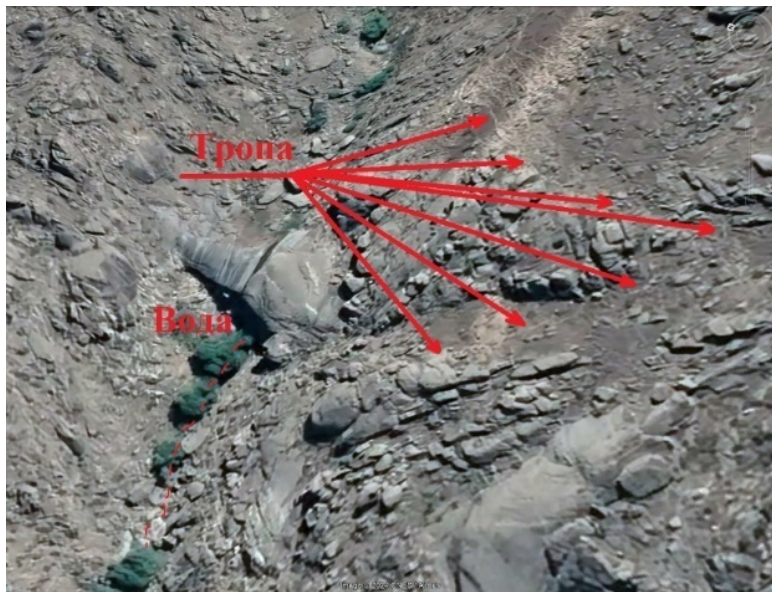
Бендер растворился среди скал, через двадцать секунд до нас долетел его доклад: «Рядовой Герасимович к бою готов!»

– Касьянов, терь смари. – Хайретдинов нагнулся ко мне, приложил к своим глазам бинокль, навёл его через мою бойницу. – Противника видишь? Вон там один идёт в меховой

шапке. В прицел смотри, видишь?

– Противника вижу. Шапку не вижу. У меня прицел слабей, чем Ваш бинокль.

– Хрен с ней, с шапкой! Главное, что противника видишь.

– Терь смари. – Хайретдинов убрал от глаз бинокль, начал показывать вытянутой рукой. – Видишь, где тропа выходит на более или менее чистое пространство? Видишь, где скал нету?

– Вижу.

– Выпустишь их туда. Выставишь дистанцию на прицеле 1300 метров и наведёшь в самого нижнего. АГС, когда стреляет, он подпрыгивает. Ты отстреляешь четыре гранаты и быстро! Рука уже – вот здесь, на подъёмном механизме. Быстро наводи в самый верхний разрыв, приподнимешь ствол и давай ещё четыре гранаты. И тут же опять приподнимешь ствол. Понял?

– Так точно.

– Вправо-лево будешь наводить по полозкам, АГС по ним скользит легко, ничего сложного нет. А вверх-вниз будешь маховиком подкручивать. И чтобы быстро, как Паганини на дудке, чтобы отстрелял все 29 гранат порциями по четыре штуки, но, звучать должно, как на одном вдохе. Понял?!

– Так точно. – Ответил я и положил левую руку на маховик подъёмного механизма, не отрываясь от прицела.

– Орлов!

– Я!

– Хватай все магазины в охапку и пулемёт. Твоя позиция вот здесь, – Хайретдинов показал на ящик возле одной из бойниц. – Чего бы не происходило, ты «кроешь» наш фланг, не даёшь зайти к нам с вертолётки. Ничего больше не делаешь, ни на что не отвлекаешься, только – фланг. Понял?

– Так точно.

– Та-а-а-ак! По местам. – Хайретдинов выпрямился, принял удобную позу, навёл бинокль на поднимающихся по склону душманов. – Приготовились. Касьянов... ОГОНЬ!

– ТА-ТА-ТА-ТА!!! – АГС выстрелил 4 гранаты. Я быстро крутанул маховик, приподнял ствол, примерно в то место, куда должны лечь разрывы.

– Бах-Бах-Бах-Бах! – Четыре черных облака ударили по тропе с фигурками душманов. Упреждение я рассчитал почти правильно, практически одновременно с четвёртым разрывом, снова вдавил гашетку АГСа.

– ТА-ТА-ТА-ТА!!! – ТА-ТА-ТА-ТА!!! – ТА-ТА-ТА-ТА!!! – ТА-ТА-ТА-ТА!!! – ТА-ТА-ТА-ТА-ТА!!!

Шестью порциями гранат я накрыл разрывами нужный участок тропы. Последние пустые звенья ленты звонко упали рядом с АГСом. Я сорвал вверх крышку ствольной коробки. Миха, как иллюзионист, одним рывком заменил пустую кассету на заряженную, подхватил куски пустой ленты и исчез из моего поля зрения.

– Хор-р-рошо! – Хайретдинов не отрывался от бинокля. Теперь ствол вниз и повтори всё с начала. Огонь!

Ещё раз я «проутюжил» тропу снизу-вверх. Миха снова, в мгновение ока, заменил кассету.

– Так. Терь делай вот что, – Хайретдинов ткнул меня рукой в плечо. Чтобы я понял, кому адресованы его указания. – Теперь одиночными. Выбирай какой-нибудь камень, за которым может быть укрытие и выстреливай гранату за него. Чтобы осколки на обратном ходу поразили всё, что укрыто за камнем.

– Дык я могу АГС на миномётное положение перекру-

тить. – Я оторвался от прицела, повернулся к Хайретдинову.

– Солдат, с-с-сука! – Хайретдинов так гаркнул на меня, что я тут же припал обратно к прицелу. – В бою, воин! Будешь делать то, что тебе приказал командир! Понял?

– Так точно.

– Повтори, что ты понял.

– В бою делать то, что приказал командир. – Промычал я, тыкаясь лицом в наглазник прицела.

– Вот так. Никакой самодеятельности! По одной гранате. Одиночными. Всю ленту огонь!

– БАХ!!! – АГС выплюнул первую гранату.

– Шандарах! – Граната ударила по склону.

– Хо-р-ро-шо. – Хайретдинов смотрел за результатами стрельбы в бинокль. – И пошёл. И пошёл. Огонь!

– БАХ!!! – БАХ!!! – Методично я наводил и стрелял, наводил и стрелял. Опустошил ленту, поднял крышку ствольной коробки. Миша рывком заменил кассету.

– Теперь так, – выдал очередное указание Хайретдинов, – эту ленту расстреляешь в таком же режиме. А потом будешь сидеть и наблюдать, ждать, пока я вернусь. Манчинский!

– Я!

– Держи бинокль. Стой вот здесь и просматривай поле боя. – Хайретдинов протянул Сане бинокль. – Я сейчас доложу «Графику» и вернусь.

Через несколько минут Хайретдинов доложил «Графику» о том, что гарнизон поста Зуб Дракона уничтожил 15 мятеж-

ников. После доклада Комендант вернулся на Третью точку и вставил мне моральный «пистон»:

– В бою, солдат, надо делать то, что хорошо получается. Врезал противнику с прямого прицела. Прошла подача. А ты ещё врежь. И ещё. А потом ещё. Проходит подача с прямого прицела – бей с прямого прицела. Пока его в кровавую лужу не превратишь. А если начнёшь умничать, менять прицел, переводить гранатомёт на навесной огонь, то дашь противнику время. Он откатится, замаскируется, заползёт в укрытие... А потом, ты сам себе в маску выстрелишь, если ствол задерёшь. Из-за этого тебе доска на башку свалится и будешь ты вошкаться, как свинья в берлоге. Не давай противнику этих секунд. Прошла подача – ввали ещё раз! Понял?

– Так точно. – Промычал я.

Затем Хайретдинов скомандовал «отбой», оставил наблюдать с биноклем Манчинского и удалился. Душманы не проявляли никакой активности, Комендант принял решение перейти на обычный режим несения службы. На том боевые приключения дня закончились.

До конца смены я шарился по посту, курил и переживал пронесшиеся передо мной события. Было очевидно, если бы Хайретдинов сам залез за прицел АГС, то он отстрелялся бы точнее и быстрее, чем я. Ведь он командир взвода АГСчиков. При этом ему не пришлось бы никому ничего объяснять. Но тогда ситуация превратилась бы в такую, будто

командир самоустранился. Он воевал бы один, а пятеро его подчинённых ковырялись бы в носу и не знали бы куда себя применить. Наш Командир наблюдал за полем боя, принимал решения и координировал действия пятерых амбалов (читай, измождённых бойцов). В результате действия оказались чёткими, быстрыми и слаженными, пятеро амбалов работали, как один механизм. По итогу боя, Хайретдинов раскатал пятерыми бойцами пятнадцать опытных Хисаракских душманов, да так славно, что те по нам не произвели ни одного выстрела.

И ещё одно обстоятельство оказалось для меня неожиданным. Хайретдинов сначала уничтожил противника, потом пошёл докладывать, а не наоборот. Ему за этот поступок могли дать взыскание, но он оценил ситуацию, понял, что пока будет докладывать, противник выйдет из зоны поражения. Поэтому Хайретдинов принял решение, поставил своим «амбалам» задачи, разложил действия каждого, как по полочкам, вступил в бой и разгромил противника. Потом пошёл докладывать.

В этом бою я первый раз увидел, как должен действовать настоящий командир.